

Покой и воля. 2001 г.

Недавно Пивоваров создал масштабное полотно под названием «Тело московского неофициального искусства 60–70-х годов». На схематическом разрезе, напоминающем иллюстрацию в анатомическом атласе, начертаны фамилии коллег-современников. Скажем, надписями «Кабаков» и «Пригов» маркированы два полушария мозга, Анатолий Зверев соотносится с толстой кишкой, тандем Комар – Меламид ассоциируется с открытым ртом, а над указующим перстом значится имя Михаила Шварцмана, главного нашего мистагога. Себя самого автор скромно поместил в области сердца – примерно там, где пролегает аорта.

Последняя позиция не слишком верна с «физиологической» точки зрения: вряд ли Пивоваров отвечал за кровоснабжение всего организма. Когда под занавес брежневского правления художник перебрался на жительство в Прагу, московский андерграунд продолжал расцветать и без него. Лет десять точно. Такой долгий срок невозможно принять за агонию. Нельзя так же утверждать, что место отца занял сын —

Забыть нельзя запомнить

Творчество Виктора Пивоварова на выставках в Третьяковке и галерее XL

Павел Пепперштейн, создатель арт-группы «Медицинская герменевтика» и автор нашумевшего романа «Мифогенная любовь каст». И все же в лирическом смысле Пивоваров был прав, маркируя собой сердечность андерграунда. Похоже, в основе его творчества, будто бы аналитического, лежат глубокие интимные переживания. И не взрослые, как у соратника и соавтора Кабакова, а преимущественно детские. Рыбка в банке на подоконнике, таинственные тетрадки соседа по коммуналке дяди Гриши Татузова, волшебная азбука на деревянных кубиках — именно отсюда происходит пивоваровская мифология.

Как правило, иллюстраторы детских книг и журналов в своей подпольной ипостаси резко поднимали градус рефлексии. Получалось по-разному. Никто не мог усомниться в жесткой последовательности того же Ильи Кабакова: его описания-перечисления чем-то сродни «Большой элегии Джону Донну» Иосифа Бродского. Спокойное иступление усталого сердца. А вот Пивоваров, как ни старался, все равно не слишком удалялся от сферы инфантильного. Вроде атрибуты взрослых занятий налицо, а постоянно проскальзывает что-то подростковое. «Я хотел почти каждую девушку, какую встречал. И в искусстве со мной происходило то же самое», — написал художник в одном из эссе. Речь здесь о молодых годах, но и в зрелом возрасте Пивоварову свойственны творческие метания.

На выставке в Третьяковке можно видеть, как менялись технологии и подходы. Вслед камерным альбомам идут большие оргалиты с эмалевыми надписями; ирони-

ческие парафразы из Малевича чередуются со скрупулезными бытовыми натюрмортами... Практически классик, а ни одна из линий не доведена до ясности. Тверже всего прослеживается абсурдная связь текстов с изображениями, столь характерная для московского андерграунда, но убедительность этой связи почему-то под вопросом. Остается жадное взирание на объективную реальность, данную нам в ощущениях. Слово по-прежнему сидит себе мальчик у окошка, смотрит на рыбку в банке, на проплывающие облака, и думает о сем. Порой его мысли касаются созревающих одноклассниц, и тогда возникают картины наподобие тех, что представлены в галерее XL.

Здесьняя экспозиция под названием «Темные комнаты» предлагает «набор героев в сновидениях, многозначные сюжеты, эротические сцены, буквальное воспроизведение неприличных речевых оборотов». Словом, мягкое порно а la доктор Фрейд. Пластически вымученно, в идейном отношении — тридесатый извод. А что еще делать русскому концептуалисту в Праге после того, как течение умерло, а деятели канонизированы? Мальчик беззвучно плачет, недоступные одноклассницы растворяются в воздухе... Письмо, приведенное в недавно изданной пивоваровской книге, сообщает: чешское слово «запоминать» переводится на русский как «забывать». В заторе между двумя этими значениями и существует нынче то, что осталось от прославленной школы московского концептуализма.

Дмитрий СМОЛЕВ